Волчья свадьба

Автор:
Кирилл Казанцев

Волчья свадьба

Кирилл Казанцев

Оборотни в законе

Убит самый богатый человек области – олигарх, бывший депутат и близкий приятель губернатора Аркадий Хухминский. Убит на отдыхе, в элитном приволжском пансионате «Аттика», где собираются исключительно «свои». Одновременно с олигархом умирает горничная пансионата, оставив предсмертную записку, в которой призналась в убийстве Хухминского. Казалось бы, дело можно закрыть. Но в ходе расследования подполковник милиции Борис Петрухин вдруг выясняет, что на погибшем клейма ставить негде – он был матерым преступником, а подозреваемые в его убийстве люди ни в чем не виновны, их просто кто-то ловко подставил…

Кирилл Казанцев

Волчья свадьба

Глава 1

По просторному автобану, который врезался широкой лентой асфальта в зелень лугов и лесов Подкарпатского воеводства, среди караванов большегрузных тягачей и легковых авто, не выходя за рамки допустимой скорости, но уже на ее пределе, летел новенький черный хэтчбек «BMW» престижной дорогой модели.

Представительный, выглядящий значительно моложе своих лет мужчина чуть старше сорока, одетый в дорогой стильный костюм, сидел за рулем. Его спутница, молодая красивая шатенка в великолепном брючном костюме, подчеркивающем достоинства ее фигуры, откинулась на спинку кресла. Она рассеянно взирала на проносящиеся за окном пейзажи, на игрушечно-красивые селения европейского стиля, и на ее губах временами появлялась ликующая улыбка с оттенком некоторой мечтательности. Пассажирку можно было принять за популярную поп-диву или фотомодель, успешно закончившую очередной проект и теперь получившую возможность отрешиться от обычных дел и забот. В зеленоватых глазах, полуприкрытых веками, светились умиротворенность и покой.

Ее спутник, напротив, выглядел напряженным и обеспокоенным. Даже здесь, на территории Евросоюза, он все еще не мог чувствовать себя в полной безопасности. Думал ли он когда-нибудь, что его ждет подобное приключение? Прямо как в авантюрном романе. Хотя чему удивляться? Вся наша жизнь – сплошной авантюрный роман.

А ведь эти места он однажды уже видел. Лет восемь назад он тоже ехал автотуристом через Польшу. Правда, тогда рядом с ним была другая женщина. Интересно, что она сейчас о нем думает? Наверное, клянет на все лады. А может быть, и нет. Банковский счет у нее неплохой, квартира что надо. Мужиков и раньше хватало, а теперь будет еще больше. Вот сын – другое дело. Но ничего, когда все утрясется, устоится, станет приезжать в гости. Главное – прибыть к месту назначения. А там…

Запиликал сотовый. Мужчина достал телефон и, одной рукой развернув «раскладушку», коротко спросил:

– Да?

Но звонивший хранил непонятное молчание.

– Я слушаю вас. Кто это?

Водитель, пожав плечами, нажал на кнопку отбоя. Немного подумав, он набрал номер и, нажав кнопку вызова, распорядился:

– Немедленно передайте нашей знакомой сувенир.

На лице мужчины заиграла довольная улыбка.

Увидев вдали старый дуб, растущий рядом с трассой, водитель «BMW» вдруг вспомнил, как на этом самом месте когда-то едва не сбил здешнюю бродяжку. Откуда только она взялась?

Вроде и давно это было, а такое ощущение, как будто вчера. А он – жив, здоров, успешен, благополучен. Чего еще хотеть от жизни?

Его спутница лениво потянулась рукой к плееру. Из динамиков превосходной аудиосистемы тут же полилась чистая прозрачная музыка, завораживающая и будоражащая душу. Мужчина посмотрел на девушку и, задержав свой взгляд, с улыбкой поинтересовался:

– О чем задумалась?

– О разном… – Она безмятежно рассмеялась и чуть заметно пожала плечами. – Мне кажется, что сейчас я вижу дивный, чарующий сон…

Могла ли она предположить, что слово «сон» было последним, сказанным ею в этой жизни? Впрочем, этот печальный факт она даже не успела осознать и осмыслить. Все произошло слишком быстро. Мир, яркий, многоцветный, бескрайний, цветущий для них двоих, исчез в долю секунды, словно во время киносеанса отключили электричество и экран мгновенно погас…

Следовавшая за «BMW» последние десять минут машина польской дорожной полиции, расписанная сверху донизу положенными текстовками и оснащенная сиренами и мигалками, установленными на крыше, строго соблюдала дистанцию и на обгон не рвалась. Более того, заметив на номерном знаке российский триколор, полицейские на всякий случай увеличили дистанцию раза в два. Они хорошо знали о замашках некоторых российских «шумахеров», которые порой вели себя так, как если бы были на дороге в полном одиночестве.

Двое «глиняшей»[1 - «Глиняш» – аналог русского «мента» (польск.).] с пышными, но педантично ухоженными усами «а-ля шляхтич», внимательно отслеживая

режим поездки россиян, не видимых им из-за плотно тонированных стекол, время от времени перебрасывались короткими репликами. Общий смысл диалога сводился к обсуждению, куда и зачем направляются граждане восточной державы, к которой у истинных поляков не могло не быть претензий и обид.

– По-моему, это транзитники, – аккуратно руля, констатировал крупный грузный сержант средних лет.

– Считаете, они едут в Германию? – прищурился второй, помоложе, с офицерскими знаками различия.

– Почти уверен, – кивнул сержант.

После некоторого молчания офицер хмуро предположил:

– Интересно, они с собой не везут оружие или наркотики?

– Думаете, их стоит проверить? – с сомнением хмыкнул сержант.

– Я считаю, русских надо проверять всегда и всюду, – офицер жестко сжал губы. – Ежи Кухальский, вы его, наверное, знаете, мне о них много чего рассказывал. У него почти собачий нюх на контрабанду. Так он практически в каждой второй машине русских находил та-ко-о-е!..

Некоторое время они ехали молча. Неожиданно сержант, не говоря ни слова, достал из кармана мелкую медную монетку и бросил в окно на дорогу.

– А это зачем? – недоуменно воззрился на него офицер.

– Видите тот дуб? Проклятое место… Очень, очень плохое. Если помните, на прошлой неделе там перевернулся автобус с туристами. Два трупа, пятеро искалеченных. А мне – я еще только начинал работать в полиции – старый Томаш Цуркевич дал такой совет: проезжаешь мимо дуба – кинь монетку; много с тебя не убудет, а лихо пронесет…

Вновь повисло молчание.

– Я все-таки думаю их проверить, этих русских, – щипнув усы, едко прищурился офицер.

– Но у нас нет формального повода их останавливать и досматривать, – сержант изобразил какую-то непонятную гримасу. – А то ведь в случае чего могут быть и неприятности. Вот сейчас минуем этот дуб, и если они нарушат правила движения, тогда…

– Да, вы правы… – согласился офицер. – Пока понаблюдаем. И уж если они хоть на волос что-то нарушат, я им покажу!

Он внушительно стукнул кулаком по передней облицовочной панели кабины и даже подпрыгнул в своем кресле от неожиданности, увидев, как в тот же миг «BMW» с жутким грохотом обратился в огромный клуб огня и дыма, с бешеной скоростью разлетающегося во все стороны. Мощный взрыв, мгновенно растерзавший машину в клочья, далеко раскидал куски металла, обшивки кресел и человеческой плоти. Полицейскую машину тряхнуло взрывной волной, и на нее со стуком и звоном обрушился град обломков.

В лобовое стекло с хлюпающим стуком впечаталась оторванная человеческая рука. Судорожно дернув пальцами, она скатилась на капот, оставив за собой кровавый след. Офицер, обратившись в изваяние, только и смог громко вскрикнуть:

– Пся крёв! Что это?! Что?!!

Сержант, реакция которого, несмотря на шокирующий «фейерверк», к счастью, оказалась на высоте, вдавил педаль тормоза в пол машины. Проскрежетав покрышками об асфальт и оставив за собой черный маслянистый след, она остановилась. Но в этот момент сзади раздался сильный удар. Видимо, хозяин «Вольво», мчавшегося следом за полицейскими, растерялся и не успел вовремя затормозить.

Однако полицейским в этот момент было не до него. Что там какой-то удар сзади в сравнении с тем, что произошло впереди?! Глядя широко раскрытыми глазами одновременно на дымящиеся развороченные останки взорвавшейся машины и руку, лежащую на капоте, сержант торопливо перекрестился католическим двоеперстием и сдавленно прошептал:

– Матка Боска! Спаси и помилуй нас…

Только сейчас до него дошло, как повезло им с напарником. Будь они ближе к «BMW» хотя бы на десяток метров, сами могли бы оказаться в этой мясорубке. Да и от крупных обломков, летящих во все стороны, бог миловал. Позеленевший офицер неожиданно ринулся из кабины и, остановившись у края дорожной насыпи, согнулся пополам, обхватив живот руками. Сержант утер со лба выступивший холодный пот и подрагивающей рукой потянулся к рации.

* * *

Телевыпуск криминальных новостей на одном из российских телеканалов шел своим чередом. Молодой диктор с лицом, преисполненным серьезности и значимости, комментировал демонстрируемые сюжеты. После череды повествований о мордобоях, случаях суицида и громких автоугонах на экранах телевизоров появились кадры, снятые на одной из автотрасс в Польше. Полицейский офицер, бурно жестикулируя, рассказывал журналистам о том, что следственная бригада исследует все, что осталось от машины, по непонятным причинам взорвавшейся во время движения по трассе.

Единственное, что на этот момент было известно полицейским, – в машине ехали российские туристы. Куда и зачем они направлялись, а также их имена установить пока не удалось. Всякому, кто в этот момент смотрел телевизор, становилось не по себе от вида металлического хлама, скрюченного страшной силой взрыва и почерневшего от огня, который совсем недавно был новенькой красивой машиной.

Услышал это сообщение и только что вернувшийся с работы старший оперуполномоченный Залесского областного УВД подполковник Петрухин. Отпивая из чашки, он внимательно просмотрел жутковатые кадры и поднял трубку телефона.

– Константин Федорович, телевизор смотрите? – поинтересовался он. – Вот, в данный момент? В общем, только что в сводке экстремальных происшествий сообщили о ЧП на территории Польши. Что случилось? Прямо на трассе взлетела на воздух машина, предположительно, с российскими туристами. Так что, думаю, на деле Хухминского теперь и в самом деле можно поставить точку.

– Борис, не понимаю, на чем основывается твой оптимизм… – удивленно пробурчал начальник областного УВД Рудаков. – Ну, взорвалась машина. И что?

– Как что? – Петрухин иронично хмыкнул. – Скорее всего, у нас теперь нет и уже не будет кое-кого из числа тех, кто имел непосредственное отношение к убийству Хухминского. Уверен – в той машине ехали именно наши клиенты. Почему так считаю? Да есть кое-какие соображения. Скоро буду в управлении, поделюсь. В общем, так. Завтра я заканчиваю с уже задержанными и передаю материалы следователю. Можете доложить губернатору, что убийство его приятеля раскрыто.

Положив трубку, Петрухин устало потер ладонями лицо. Как же ему надоела вся эта катавасия с убийством губернского олигарха Хухминского! Сколько же ему нервов потрепали, пока он докопался до истинных причин и обстоятельств! Ну теперь хотя бы на какое-то время можно будет взять передышку. Последние дни он почти не появлялся дома. Жену и детей видел только спящими, а то и не видел вовсе. Кстати, а где Ирина? Он прибежал домой как с пожара – и сразу на кухню, за чаем, потом к телевизору. И даже не удосужился окликнуть свою половину. Уж не в спальне ли она?

Ощутив приступ непонятной тревоги, Борис поставил недопитую чашку на стол и, сам не зная почему, почти на цыпочках приблизился к двери спальни. Приоткрыв ее, он с замиранием сердца заглянул в щель между дверью и притолокой. И сразу же увидел Ирину, которая сидела на диване и смотрела телевизор. Телевизор в спальне стоял справа от двери, в углу, и поэтому экрана он узреть не мог. Слышал лишь голоса, выдаваемые динамиком телевизора. Однако, кроме телевизора, в спальне был еще и DVD-плеер. А что, если Ирина смотрит не телепрограмму? Че-е-рт!

Борис прислушался. Звук был сильно приглушен, но до него явственно донеслись скрипы и постанывания. На мультик не похоже. Но не порнухой же она увлеклась, в самом деле?! Но тогда это могло быть только то, чего он так опасался. Борис увидел на лице жены саркастическую гримасу, и его бросило в жар. Выходит, эти подонки все-таки решили свести с ним счеты! Но кто? Кто это сделал? Вроде бы все фигуранты обезврежены, вон даже Ланцета «заластали».

Разве что… Майя?! А почему бы и нет? Пусть и косвенно, но она, безусловно, была связана с той шайкой-лейкой и вполне могла выполнять чье-то поручение.

Но неужели она – полная дура и не понимает, что, сломав ему жизнь, тем самым наживает себе смертельного врага? А с другой стороны, до какой же степени люди неблагодарны… Он же ее, по сути, «отмазал», приняв во внимание, что в явном криминале она замешана не была. К тому же Майя как будто взялась за ум и даже оказала определенную помощь в расследовании. Стоп! А если предположить, что в структуре криминального сообщества она была не мелкой сошкой, а персоной куда более значимой? Что, если она работала напрямую на Барона? Тогда придется признать, что у нее феноменальный талант лицедейства…

Петрухин крепко стиснул кулаки. Что же теперь делать? Теперь Ирина знает все. Черт! И почему же он сразу не заглянул в спальню, как только пришел? Чайку, ешкин кот, ему захотелось… А теперь, видимо, поздно. Скорее всего, жена уже просмотрела всю ту гнусь, которая и была для нее предназначена.

Борис сидел на кухне и чего-то ждал. Чего именно, он и сам не мог понять. Он с напряжением дожидался того мгновения, когда появится Ирина и что-то скажет. А сказать она теперь может только одно – развод. Господи! Вот за что это ему? Что он такого сделал?! Да, жена у него особа принципиальная, с характером. Но именно этим всегда и нравилась. Теперь поневоле пожалеешь. Однако ничего не попишешь, она – Скорпион…

«Объяснять и оправдываться бесполезно, – хмуро размышлял Петрухин. – Ничего слушать она не станет. Тут хоть лбом о стенку бейся. Витальку и Наташку, конечно, оставит при себе. Ну а я что? Соберу чемодан и на выход. Остынет, поймет, что тут к чему, и снова будем вместе. А если нет… Ну, Майя, тогда берегись! Убью стерву!..»

Сзади раздались легкие шаги. Борис медленно оглянулся. Ирина стояла в дверях кухни и брезгливо, за уголок, держала пластиковый конвертик с компакт-диском. Как-то непонятно улыбнувшись, она бросила его на стол и, прислонившись плечом к дверному косяку, вопросительно посмотрела на мужа…

* * *

Несколькими днями ранее Борис Петрухин встретился с дочерью усопшего олигарха Хухминского. Это была их вторая встреча. То, что Алина зануда каких поискать, он понял еще тогда, на Золотом Камне. В пансионат «Аттика» на

«Острове Невезения», как в насмешку прозвали Золотой Камень – территорию отдыха губернских и столичных толстосумов – жители прибрежных поселков, Алина прибыла, будто спустилась с Олимпа. Если оценить ее непредвзято, то большинству красоток на подиумах она могла бы дать сто очков вперед. Одно лишь портило ее внешность – высокомерно-холодный взгляд пираньи, знающей силу своих острых зубов. Раз взглянув на красивое лицо Алины, Борис мгновенно проникся к ней какой-то подсознательной неприязнью. Впрочем, девушка тоже не испытывала к нему дружеских чувств, и он это сразу понял.

Но сыщику выбирать не приходится – нравится ему человек или нет, работать с ним он обязан. Предвзятое отношение к фигурантам и даже свидетелям может завести следствие в тупик или, того хуже, привести к судебной ошибке. А это искалеченные судьбы, загубленные жизни и запоздалое чувство собственной вины…

Тогда, во время их первой короткой встречи, Алина показалась ему порядочной стервой. Ему так и не удалось задать ей ни одного вопроса по существу дела. Глупо было надеяться, что вторая встреча будет более продуктивной, но как бы то ни было, а попытаться поговорить с ней еще раз Борис был просто обязан.

Как они и договорились по телефону, Петрухин прибыл к особняку, высящемуся у волжской набережной, ровно к семи. Молчаливый охранник у кованых ворот не стал спрашивать его имени и тем более заглядывать в документы. Скорее всего, его заранее предупредили о появлении гостя, поэтому он дал возможность Борису беспрепятственно войти во двор, жестом указав направление.

Петрухин с тяжелым сердцем переступил порог дома, заранее ожидая увидеть брезгливо-презрительную гримасу своей собеседницы, но, к его удивлению, ничего подобного не обнаружил. Алина выглядела как женщина, пережившая личную трагедию. Она все еще была в трауре, а в ее голосе ощущался легкий налет печали. Борису стало даже неловко от того, что он так легко записал ее в стервы. Кем бы ни был Хухминский для остальных, а для нее он являлся родным отцом, близким человеком, и теперь она этого человека потеряла.

Пригласив Бориса за столик с кофе и тем, что к нему обычно прилагается, Алина села напротив и с вежливой улыбкой поинтересовалась:

– Борис Витальевич… Я правильно вас назвала? Вы на меня в прошлый раз не обиделись?

– Для опера это слишком большая роскошь, – улыбнулся в ответ Петрухин. – Свою работу я должен делать независимо от обстоятельств, поэтому эмоции тут совершенно неуместны.

– Ну хорошо, вы можете задавать свои вопросы, которые, возможно, планировали задать прошлый раз в «Аттике», – кивнула Алина. – Я очень бы хотела помочь найти убийц отца, хотя даже не представляю, чем могу быть вам полезна. Господи, только вчера его похоронили, а кажется, что прошло уже сто лет…

– Начну с традиционного. Что вы сами думаете о случившемся? – начал беседу Борис и тут же добавил: – Кстати, в прошлый раз вы мне на этот вопрос так и не ответили.

– Для меня самой это неразрешимая загадка, – Алина чуть развела руками. – Я до сих пор не знаю, как воспринимать его гибель. Что это – несчастный случай или убийство? Единственное, я уверена, – это не было суицидом. Он слишком любил жизнь во всех ее проявлениях…

«А больше всего он любил женщин, вернее, издеваться над ними», – едва не вырвалось у Бориса, но он, щадя чувства дочери, для которой Хухминский в любом случае оставался отцом, сказал совсем другое:

– С этим я полностью согласен. Он не был похож на человека, который решил свести счеты с жизнью. К тому же есть все основания полагать, что это убийство. Но кому, на ваш взгляд, была выгодна его смерть? Кто, по-вашему, мог бы считаться его непримиримым врагом?

– Вообще-то таких, представьте себе, не так уж и мало… – Алина отставила кофе и достала сигарету. Закурив, она откинулась в кресле и некоторое время о чем-то думала.

– Разумеется, в открытую назваться его врагом никто не рискнул бы, но реально такие были и есть, – наконец снова заговорила она. – Вы слышали о Пластилине? Это глава конкурирующего холдинга из соседнего региона. Он давно

прорывался на здешний рынок, но отец быстро отбил у него аппетит. И вот с тех пор Пластилин… Кстати, все, кому с ним доводилось сталкиваться, сознательно ставят в его фамилии ударение на последнюю «и», чтобы подчеркнуть неприязнь к этому малоприятному типу. Так вот, с тех пор он люто ненавидел отца и готов был на любые действия, лишь бы отомстить.

– Скажите, Алина, а кем был отец для вас? Просто отцом или главным наставником, образцом человека, который смог найти свое место в жизни?

– Разумеется, и наставником, и образцом… – чему-то чуть заметно улыбнувшись, согласилась та.

* * *

…Лет семнадцать назад в окрестностях Залесска частенько можно было видеть новенькую зеленую «Ниву», за рулем которой лихо восседала худенькая девочка. Уверенно крутя баранку, юная амазонка ухарски выписывала виражи под одобрительные комментарии своего отца. Тот сидел рядом и лишь иногда помогал вырулить в тех местах, где силенок девочке явно не хватало. Они ездили по дорогам и бездорожью, полевым проселкам и топким низинам, через лесные чащобы и по косогорам.

Но гонка, в том числе и по пересеченной местности, в тех поездках была не главной целью. «Гоночный экстрим» являлся своего рода «разогревом». Накатавшись до ряби в глазах, папа с дочкой останавливались где-нибудь в безлюдном месте. Отец с таинственным видом доставал откуда-то из-под сиденья многозарядный спортивный пистолет, и Алина под его руководством начинала стрелять по развешанным на деревьях листам бумаги с нарисованными на них черными кружочками. Сначала это у нее получалось очень плохо. Пистолет, хоть и был малокалиберным, в ее руке дергался и подпрыгивал, из-за чего пули улетали невесть куда. Отец смеялся и говорил, что они «пошли за молоком».

Но со временем Алина научилась твердо и уверенно держать оружие своими тоненькими пальчиками и посылать пули точно в цель. Ей безумно нравилось это занятие. Да и кому не понравится стрелять из настоящего пистолета настоящими пулями? Когда ее пальчик легким, едва приметным движением нажимал на спусковой крючок, пистолет послушно, беспрекословно исполнял ее

волю, издавая громкий резкий хлопок. В такие моменты Алину переполняло ощущение собственного могущества.

Но однажды они остановились не там, где обычно, а невдалеке от железной дороги. В низине, поросшей бурьяном и кустарником, усилиями каких-то нерях образовалась стихийная свалка, привлекающая к себе бродячих собак и кошек. Выйдя из машины, отец подозвал к себе Алину и, дав ей пистолет, указал на лохматую дворнягу неопределенной масти, которая рылась в куче мусора шагах в тридцати от них.

– Аля, сегодня ты выстрелишь вон в ту мишень, – сказал он и ткнул стволом пистолета в сторону собаки.

Алина была ошеломлена. Она недоуменно посмотрела на отца широко раскрытыми глазами.

– Папа, ты, наверное, шутишь? – с надеждой в голосе спросила она. – Она же живая…

– А по-твоему, охотники стреляют по картинкам и манекенам? – насмешливо спросил отец. – Они стреляют по живым зверям и птицам. Вон и лосей стреляют, и медведей… Что в сравнении с ними эта облезлая шавка?

– Давай лучше сегодня последний раз я постреляю по мишеням, а завтра в собаку? – решила схитрить девочка.

Но ее наивную хитрость он проигнорировал и, дав в руку пистолет, жестко приказал:

– Целься и стреляй! Ну!

– Я не могу… – дрожащими губами прошептала Алина.

– Если ты сейчас не выстрелишь и не убьешь, то я тебя оставлю здесь. Поняла?

По его тону девочка поняла – отец не шутит. Таким, жестким и безжалостным, Алина видела его впервые. Одна лишь мысль о том, что она рискует остаться

совершенно одна где-то далеко от дома, в глухом месте, привела ее в ужас. С замиранием сердца Алина подняла пистолет и навела мушку на ничего не подозревающую собачонку, деловито роющуюся в мусоре.

– Куда стрелять? – шепотом спросила она. – В какое место?

– Сразу за лопаткой, немного выше грудины. Там сердце, чтобы не мучилась, – уже одобрительно пояснил отец.

Едва сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, Алина тщательно прицелилась и непослушным пальчиком нажала на крючок. Эхо трескучего выстрела раскатилось по лощине, вспугнув с деревьев переполошенных ворон. Дико взвизгнув, собака упала на землю и забилась в конвульсиях, оглашая свалку жалобным, молящим скулежом и воем. Алину охватила сильнейшая нервная дрожь, по телу пробежал холод. Она никогда не думала, что так страшно и неприятно первый раз убивать живое существо, мягкое и теплое, не причинившее тебе никакого зла.

– Тьфу ты!.. – недовольно плюнул отец. – Грязно сработала. Иди, добивай. Теперь стреляй в голову.

Ощущая головокружение, Алина приблизилась к собаке и, съежившись от ее визга, в котором звучал безграничный ужас и предсмертная тоска, вновь прицелилась и выстрелила в голову животного. В последний раз дернувшись, дворняга вытянулась и затихла. Из ее оскаленного рта потянулась струйка крови, а глаза остекленели и замерли, глядя в никуда.

– Ну вот, видишь, ничего страшного не произошло, – подойдя к Алине, уже добродушно рассмеялся отец. – Всего-то одной бродячей собакой стало меньше. Велика утрата! Между прочим, ты ей в какой-то мере даже помогла. Да, да! Ну что у нее за жизнь? Мука смертная. А тут – бах, и никаких мучений.

– А может, ее кто-нибудь себе бы взял… – с упреком в голосе парировала Алина.

– Дочка, да кому она нужна? Разве что бомжам на ужин, – взяв ее за руку и направляясь к машине, снова рассмеялся отец. – Кстати, в Корее, Китае их едят не только бомжи. Я туда когда-то ездил, насмотрелся. Они, прежде чем зарезать собаку, сначала долго бьют ее палкой, чтобы мясо пропиталось кровью. По-

ихнему, так вкуснее. Но ты представляешь, что успевает пережить бедная собака до того момента, когда ее наконец-то прикончат? А-а-а!.. То-то же. Кстати, маме о сегодняшней охоте лучше не рассказывать. Договорились?

…И с той поры Алина стреляла только по живым «мишеням». Распугав живность на одной свалке, они с отцом находили другую. Теперь она уже не дрожала и не испытывала даже тени жалости. Отныне она сама шла по свалке, выбирая себе цель. А вернувшись, с гордостью докладывала:

– Добыла трех кошек, двух собак и двух ворон.

– Молодец, дочка! – одобрительно кивал отец. – Я очень хочу, чтобы ты выросла смелой, твердой и решительной. Не какой-нибудь слюнявой размазней, а человеком, уверенно идущим по жизни, всегда и везде умеющим добиваться своего…

И Алина твердо знала – отец во всем прав. Раз уж он сказал, что она должна вырасти твердой как кремень, значит, такой она и станет.

Но однажды произошло нечто и вовсе из ряда вон выходящее. Приехав «поохотиться» на ту свалку у железной дороги, где была убита самая первая собака, Алина, что теперь уже стало вполне обыденным, пошла среди холмов мусора выискивать себе очередную жертву. У одной из крайних куч, за которыми начинались кусты, крутилась небольшая собака с черной, курчавой шерстью. Скорее всего, это был одичавший кокер-спаниель. Дождавшись, когда собака поднимется на склон мусорной кучи, Алина подняла пистолет и прицелилась. Словно почуяв беду, в самый последний миг спаниель, испуганно тявкнув, успел метнуться в кусты. И, нажав на спуск, Алина поняла, что промахнулась.

Но внезапно из-за зеленой стены кустарника до нее донесся чей-то негромкий вскрик. Голос был человеческим. И снова, как тогда, в самый первый раз, она съежилась и похолодела. С трудом сдерживая стук зубов, она опрометью кинулась к отцу. Выслушав ее, он встревоженно хмыкнул и поспешил туда, откуда послышался голос. Алина побежала за ним. Раздвинув кусты, они увидели на дорожке, ведущей к железнодорожной насыпи, какого-то старика, лежащего ничком.

Рядом валялась плетеная корзина, из которой вывалились, судя по всему, только что сделанные покупки в продуктовом магазине. Перевернув старика на спину и что-то пощупав на шее, отец досадливо крякнул и тихо пробормотал:

– И какая нелегкая вынесла тебя сюда, старый хрыч?! Что же теперь делать-то?

Алина смотрела на старика, и ее колотило от каких-то страшных ожиданий. Ей казалось, что вот-вот откуда-то выбегут милиционеры с наручниками и их с отцом повезут в тюрьму. Она едва не расплакалась, лишь представив себе, что будет с мамой, когда та узнает, где ее дочь. Но отец быстро принял нужное решение. Он оттащил старика на свалку и завалил его в куче мусора. После этого, сделав веник из сломанных веток, замел следы на тропинке.

Почти всю дорогу домой они молчали. Лишь уже перед самым домом отец спросил:

– Ты как? Испугалась? Да не переживай из-за ерунды! Он свое уже отжил. Это судьба. Если бы ты случайно в него не попала, он бы, скорее всего, попал под колеса поезда. Забудь!

После этого случая по негласному уговору папа и дочь свои выезды за город прекратили. А через пару дней, услышав в новостях о таинственном убийстве старика, найденного бомжами на свалке, она неожиданно для себя ощутила что-то вроде гордости. Надо же! Ведь это она заставила столько людей обсуждать историю со стариком. Теперь она точно знала: сильному и решительному можно ВСЕ. Удел слабого и мягкотелого – подчиняться сильным. Не изменилась точка зрения Алины на жизнь и после того, как отец отвел ее в элитную секцию айкидо, где она, жесткая и решительная, очень скоро стала грозой для участниц спаррингов.

Глава 2

Через час с небольшим в гостиную, без какого-либо предупреждения, штормовым ветром ворвалась эффектная, стильно одетая особа, сияя радостной улыбкой. Борис в это время обсуждал с Алиной систему службы безопасности

холдинга, ее структуру, принципы функционирования и кадровый состав. По мнению Алины, ее отец, будучи человеком чрезвычайно вдумчивым и педантичным в вопросах безопасности, свою службу сформировал из высококлассных специалистов – настоящих профи, а система ее работы была отлажена как хронометр.

– И тем не менее она дала досаднейший сбой, не сумев защитить того, кого обязана была защитить в первую очередь… – задумчиво констатировал Петрухин. – Или не захотела? – Он вопросительно посмотрел на Алину.

– Ну что вы! – категорично не согласилась она. – Я же вам сказала, что отбор в службу безопасности шел и через специальные кадровые агентства, и через тестирование опытными психологами, и даже через полиграф. Представляете? У нас претендентов было двадцать человек на место. Нет, нет, нашу службу в чем-то таком я никак не могу подозревать.

– Но тогда объясните мне, почему в момент убийства – а это именно убийство – он оказался один на пустынном берегу, без какого-либо минимального сопровождения? Это что – халатность, недосмотр, сознательный умысел?

– Это… Как бы вам объяснить? – Алина напряженно подбирала нужные слова. – Ну, все мы люди живые. У каждого есть свои слабости. И каждому хочется в какие-то моменты побыть без назойливого сопровождения, без соглядатаев, пусть даже они и обеспечивают нашу безопасность. В конце концов, могли быть запланированы чрезвычайно конфиденциальные переговоры с кем-то из деловых партнеров. Знаете, есть такое понятие – коммерческая тайна? Ну вот, представьте себе, отец встретился с деловым партнером своих конкурентов. С точки зрения и житейской морали, и коммерческой этики, в этом ничего зазорного нет. Верно? Но если о подобной встрече узнают определенным образом заинтересованные лица, то… Сами понимаете, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Борис хотел было спросить, как Алина воспринимает тот факт, что на самом-то деле ее отец назначил свидание на пляже молодому мужчине, но вновь передумал и попросил дать характеристику начальнику службы безопасности Ежонову. Однако ответ Алины и по поводу главного секьюрити отца оригинальностью не блистал. По ее мнению, Ежонов являл собой ходячий набор добродетелей – порядочный, дотошный в деле исполнения служебного долга, работящий – готов был не уходить с работы сутками, смелый, инициативный…

Петрухин решил достаточно деликатно возразить по поводу идеального нравственного облика Ежонова – в пансионате тот явил себя несколько с иной стороны. Но именно тут в гостиной и возникла нежданная гостья, с колыхающимися на плечах потоками светлых волос – хоть снимай в рекламе какого-нибудь ультрамодного шампуня. Она с ходу кинулась к Алине с дежурными урбанистическими «чмоки-чмоки». Обменявшись приветствиями с гостьей, хозяйка дома представила ее Петрухину:

– Майя, моя лучшая подруга. Умница, красавица, океан обаяния и средоточие изящества. По-моему, она даже красивее меня…

– Аль! Как ты можешь?! – укоризненно воскликнула Майя. – Все без исключения самой красивой считают тебя. Ведь правда же? – обратилась она к Борису.

– Мне трудно судить, вы обе ослепительны, – «сдипломатничал» он, – обаятельны и изящны.

Он никак не мог взять в толк – искренне ли подруги возвеличивают друг друга, или это своего рода коварное женское ерничество, тщательно спрятанное под маской дружелюбия.

– Майя, а это наш Шерлок Холмс, оперуполномоченный Борис Витальевич Петрухин. Он занимается расследованием убийства папы, – уже серьезным тоном объявила Алина.

– Так все-таки это было убийство… – уже без тени улыбки, где-то даже со скорбью, Майя понимающе покачала головой.

Краем глаза схватив мимику ее лица, Борис вдруг ощутил непонятные сомнения. Несмотря на сочувственный тон слов Майи, ему почему-то показалось, что на самом деле гостья более чем далека от скорби. И даже напротив. Вероятнее всего, в глубине души она ощущает некое удовлетворение в связи со случившимся. Попросив разрешения принять участие в разговоре, Майя скромно села в кресло, стоявшее рядом с тем, в котором находилась Алина.

Но Петрухину было ясно как дважды два – теперь разговор о событии на Золотом Камне, ради чего он сюда приехал, можно смело закруглять. Ставшая в

какой-то мере доверительной, атмосфера диалога моментально растаяла. Борис почувствовал, что в присутствии подруги Алина ничего существенного уже не скажет, лишние уши – они всегда лишние, даже если их обладатель – самый близкий человек. Поэтому лишь для проформы он спросил ее о том, какое она принимала участие в деятельности холдинга и принимала ли вообще.

– Знаете, хотя у меня высшее экономическое образование, я окончила «Плеху», фактически в дела отца не вмешивалась. Иногда разве что консультировала его по тем или иным вопросам. Он советовался со мной, если у него возникали сомнения по поводу рекомендаций его заместителей. Кстати, мне не раз случалось выявлять заведомые благоглупости этих бездельников, возомнивших себя экономистами. А в остальном… Нет, и еще раз нет…

– Но кто-то же теперь должен возглавить холдинг?

– Кто-то, но не я, – Алина помахала из стороны в сторону тонкой, красивой кистью руки. – В перспективе, как держательница контрольных пакетов акций, я намерена найти толкового менеджера и поручить ему ведение дел. Однако я еще не прошла процедуру вступления в наследство. Сейчас этим занимается мой адвокат. Поэтому, как говорят картежники, в этом отношении я – пас… – Она пожала плечами.

Борис понял, что ничего интересного он сегодня уже не услышит, поэтому, посидев еще немного для приличия, стал прощаться. Майя тоже подскочила со своего места.

– А ты что, тоже уходишь? – Брови Алины недоуменно взлетели.

– Да, Аль, мне тоже надо идти, – Майя сокрушенно развела руками. – Завтра у меня примерка. Хочу заехать к своей портнихе. Поэтому придется встать пораньше. Кстати, Борис… Витальевич?.. Вы на машине? Нет? Тогда, может, вас подвезти? А то уже, как видите, вечер, по улицам вовсю шастают всякие хищницы, падкие на симпатичных мужчин… Как бы чего не вышло! – приятельски улыбнувшись Петрухину, чуть заметно подмигнула она.

– Если только нам в одну сторону, – пожал он плечами. – Вам куда? Мне вот на Третий Дубовский проезд.

– Ну а мне чуть левее, в Коршуново. Едем? – Она окинула Бориса многообещающим взглядом.

– Ну если, по-вашему, это – «чуть», то поехали, – согласился он.

У Петрухина внезапно словно щелкнуло какое-то реле – он вдруг понял, что Майя, возможно, и пришла сюда, и предложила свои транспортные услуги не случайно. Что-то за этим крылось. Но что?

Как галантный кавалер, выходя из дома, он пропустил Майю вперед и оглянулся, чтобы попрощаться с хозяйкой дома. Изобразив вежливую улыбку, Борис выдал положенное «до свидания» и скрылся за дверью, в последний момент успев заметить какую-то непонятную гримаску на лице Алины. Это было похоже на легкую досаду из-за того, что с ним ушла ее подруга.

Они миновали двор особняка и подошли к воротам, у которых все так же прохаживался охранник в черной форме. Увидев гостей, он сноровисто открыл тяжелую, кованую калитку. Петрухин снова оглянулся. Обширный, двухэтажный коттедж с мезонином, или, по-современному, пентхаусом, который смело можно было назвать виллой, судя по всему, обошелся его хозяину не в один миллион. Здание, безусловно, было одним из самых приметных в округе. Помимо обычных архитектурных модернистских, да и псевдомодернистских выкрутасов, коттедж украшали изысканные островерхие башенки со шпилями на манер средневековых, высившихся над рыцарскими замками.

Прибыв сюда, Борис почему-то сразу не обратил особого внимания на все эти архитектурные изыски. А вот теперь, когда над шпилями поднялась полная луна, великолепие постройки сразу же бросилось в глаза, восхищая изысканностью форм. Но одновременно, помимо восхищения, дом умершего олигарха почему-то вызывал в глубине души непонятную тревогу. При лунном свете он чем-то очень напоминал дом с привидениями или даже замок Дракулы из какого-нибудь голливудского триллера. Может быть, потому, что большинство окон дома были темны, и лишь на первом этаже светились два окна гостиной?

Петрухин повернулся к машине Майи, собираясь сесть в кабину, и тут буквально физически ощутил чей-то пристальный взгляд, устремленный ему в спину. Он быстро оглянулся, подумав, что это охранник следит за его отбытием. Но тот

возился у калитки, что-то выверяя в замке. А вот окна дома… Еще раз взглянув на них, Борис на мгновение ощутил колкий холодок вдоль позвоночника. Трусом он не был – мог спокойно, в одиночку, с голыми руками пойти на вооруженных рецидивистов. Но тут было что-то иное, не поддающееся рациональному объяснению. Ему вдруг показалось, что это сам дом угрюмо, недружелюбно смотрит ему вслед черными глазницами окон.

В этот момент на втором этаже коттеджа у окна стояла Алина и глядела в его сторону. Взор девушки был несколько напряженным, изучающим, а на лице застыла маска безграничной усталости. Как же она измоталась за эти дни! Смерть и похороны отца отняли у нее уйму сил и времени. Из-за этого она вообще никого не хотела видеть. За исключением разве что Вячеслава, единственного мужчины, который ее понимал лучше всех и которому она всецело доверяла.

Но с этим опером она все же решила встретиться повторно. Прошлый раз была вся на нервах, и поэтому его слишком уж невозмутимый вид ее очень сильно раздражал. Но потом подумалось, что этот сыщик, чего доброго, начнет подозревать в причастности и ее. Поэтому захотелось немного разрядить обстановку хотя бы с этой стороны. И без того, за что ни возьмись, сплошная головная боль…

Проследив за тем, как отъезжает «Форд» Майи, Алина собралась идти обратно в гостиную, но в этот момент сзади раздался какой-то непонятный звук – то ли шелест, то ли царапанье… Сердце у нее дрогнуло, и она резко обернулась, невольно крикнув в темноту:

– Кто здесь? Кто?!

И тут же почти бегом подскочила к выключателю у двери. Раздался щелчок, и комнату мгновенно залил приятный, мягкий свет люстры. Он тут же разогнал непонятно отчего нахлынувшую жуть. Оглядевшись, Алина увидела крупную ночную бабочку, которая, помогая себе взмахами крыльев, ползла по приподнявшемуся листу раскрытой книги, лежащей на столе.

– Тьфу ты, зараза! – Алина яростно захлопнула книгу, раздавив бабочку. – Из-за тебя, твари, чуть крыша не съехала!

Выходя из комнаты, она оглянулась. Это место для нее тоже было памятным. Здесь она убила второго человека в своей жизни. Причем уже сознательно.

…Помнится, тогда вечером она вернулась с какого-то классного «тусняка». «Мажоры» там собрались что надо, и домой она прибыла в чудесном настроении. Никого из прислуги дома не оказалось, лишь охранник околачивался по территории. В холле и гостиной не замечалось ни души. Неожиданно сверху раздались негромкий хлопок пистолетного выстрела (его Алина смогла узнать без труда) и чей-то вскрик. Она торопливо поднялась на второй этаж, в эту комнату – кабинет отца. Как всегда, заглянув сюда без стука, она увидела своего папу с пистолетом в руке. А на полу, посреди комнаты, – незнакомого молодого мужчину, раненного в грудь. Незнакомец обессиленно ворочался, пытаясь подняться.

На какое-то мгновение испытав шок, Алина быстро взяла себя в руки – недаром же когда-то она была охотницей!

– Грязная работа, – возвращая отцу его давнишнюю иронию, заметила она.

– На, «подчисть»! – Он властно протянул ей пистолет.

Сама не зная почему, Алина послушно взяла оружие. Стрелять в незнакомца ей очень не хотелось, но тем не менее, вскинув пистолет, она всадила пулю прямо в глаз человеку, при виде ее застывшему в напряженном недоумении. Лишь после этого она вспомнила, что выстрелила прежде, чем выяснила у отца – чем же все-таки провинился этот злосчастный тип? Глядя, как, последний раз дернувшись, неизвестный затих, отец рассказал ей, что убитый – шантажист и грабитель, вымогавший у него деньги и драгоценности. А выстрелил он потому, что тот попытался на него наброситься.

– Молодец, дочка! – потрепал отец Алину по плечу. – Иди к себе, а я уберу эту скотину. Не бойся, все будет нормалек! И не переживай. Таких тварей нельзя оставлять в живых. Кто знает, скольких он убил и ограбил и скольких убил бы еще, если бы мы его не остановили?

Позже она пыталась понять и уразуметь: что же ее заставило без колебаний нажать на спуск пистолета? Да она как бы сама напросилась на это, указав отцу на его непрофессиональный выстрел. Поэтому отступать от своей заявленной

вслух позиции было нелогично. Но только ли это стало причиной? За несколько лет до этого став беспощадной истребительницей живых существ, она, скорее всего, слишком втянулась в такой жестокий вид «спорта». Возможно, в глубине души ей теперь уже не хватало крови, не хватало лицезрения смертей от ее руки…

А на следующий день им сообщили, что ее маму, которая вечером поехала навестить свою подругу, нашли в сгоревшей машине. Как рассказали отцу гаишники, на полном ходу мамин «Рено» кувырнулся с шоссе в кювет. По какой-то причине в нем воспламенилось горючее. Вероятно, от удара оно вспенилось, выбило пробку бака, и в этот момент где-то проскочила искра. Экспертиза установила, что это был несчастный случай вследствие скверных дорожных условий…

Алина, узнав о том, что мамы, ее доброй и ласковой мамы, больше нет, впала в отчаяние. Она вдруг подумала о том, что какие-то высшие силы отняли у нее мать в наказание за то, что она сама отняла уже две человеческие жизни. Был момент, когда Алина даже ринулась искать тот самый пистолет, чтобы им же оборвать свою, как ей тогда показалось, никчемную жизнь…

Отец, поняв ее состояние, сразу же после похорон жены повез дочь, впавшую в серьезную депрессию, в двухнедельный морской круиз. Это оказало свое благотворное действие. Алина перестала думать о смерти. Но с той поры она никогда, ни при каких обстоятельствах старалась больше не брать в руки огнестрельного оружия.

* * *

Летя от светофора к светофору, Майя оживленно рассказывала о своей дружбе с Алиной. По ее словам, они подружились в «Плехе» и с тех пор были, что называется, «неразлейвода». Подругой Алина была преданной, способной хранить секреты.

– Трудно ей теперь… – сочувственно вздохнула Майя. – Отца похоронила, матери не стало уже давно, погибла в автокатастрофе. Теперь в доме осталась одна, не считая прислуги. И до сих пор не знает, бедолага, что живет в доме, построенном на человеческих костях. Брр-р-р!.. – Майя зябко повела плечами.

По ее словам, дом возвели лет десять назад, за год до гибели жены Хухминского. Тот уже давно присмотрел себе участок у набережной, чтобы из окон открывался вид на Волгу. Мало кто знает, во что ему обошлись покупка и оформление этой земли, которая относилась к городским территориям, не подлежащим продаже в частные руки. Вдобавок ко всему, на это место вдруг начали претендовать еще несколько губернских тузов. Но Хухминский конкурентов обошел, что называется, «на рысях». И вот, когда на участок подрядчики пригнали строительную технику, в первый же день выявилось одно очень неприятное обстоятельство – из-под ножа бульдозера, начавшего планировку территории, вдруг начали выворачиваться сгнившие доски гробов и человеческие кости в истлевшем тряпье.

– Когда рыли траншеи под фундамент, эти кости мешками вывозили. Говорят, лет сто назад там хоронили умерших то ли от холеры, то ли от голода. Когда Аркадий Никодимович узнал о захоронении, он засекретил эту информацию. Ведь если бы о том, что находится на их участке, узнала Елизавета Ивановна, его жена, она бы ни за что не ступила на порог этого дома. Мне самой об этом рассказали совсем недавно. Я вот теперь и не знаю, говорить про кости Альке или уж промолчать?

– Кстати, Майя, можно один неожиданный вопрос? Прошу не счесть его за оскорбление, но мне почему-то показалось, что смерть ее отца вас не слишком огорчила. Тому есть причины? – Борис пристально посмотрел на девушку.

– Что вы! Это вам действительно показалось, – изобразив удивление, воскликнула она. – Аркадия Никодимовича я очень уважала. Не понимаю, почему у вас возникла подобная мысль… – Майя категорично помотала головой.

Но Петрухин, наблюдая за ней, убедился окончательно – он не ошибся, девушка что-то скрывает. А вот у кого бы можно было выяснить, что именно она не желает ему поведать? Судя по всему, эта информация могла оказаться очень полезной. Ведь если у Майи к Хухминскому были какие-то серьезные претензии, то почему бы не предположить, что и она приложила руку к его убийству? Опять обратиться к Алине? Нет, этот вариант, как говорят молодые, «не прокатит». Та ему вряд ли что скажет.

Борис вспомнил, что, садясь в машину, заметил на задней правой дверце «Форда» солидную вмятину. Кстати, а откуда у Майи эта машина? Она тоже из богатой семьи?

– Майя, скажите, а кто нанес столь серьезную травму вашему «росинанту»? Вмятина-то приличная, как бы не пришлось менять дверцу, – безразлично-нейтральным тоном заметил он.

– А-а-а! – Девушка досадливо махнула рукой. – Один остолоп как ошалелый выскочил из второстепенного переулка и влепился в меня своей «шестеркой». У него вся машина-то не стоит одной моей дверцы! И, главное, додумался выехать с просроченной страховкой. Ну вот, теперь выплачивает из своего кармана. Правда, пока что отдал меньше половины, но обещал к концу месяца выплатить полностью.

– Не обманет?

– Пусть попробует! – снисходительно улыбнулась Майя. – Один мой знакомый, который взялся мне помочь, такого не допустит. Кстати, как сотрудника милиции уведомляю: все строго в рамках закона. Уголовщины – ни-ни!

– Кажется, я знаю, о ком идет речь… – Петрухин задумчиво покачал головой. – Аварийщик – официант из пансионата «Аттика». Я прав?

– Да-а… – Майя удивленно окинула его взглядом. – А вы откуда знаете? Вы с ним знакомы?

– Нет… Просто чисто случайно он оказался в поле моего зрения, как предполагаемый фигурант одного расследования. Кстати, а машину вам родители купили? Или самой удалось заработать?

– Самой, – не очень охотно согласилась Майя. – У меня одно время была очень хорошая работа, правда, ограниченная конкретным срочным контрактом, и получала я там, можно сказать, министерскую зарплату. А тут подвернулся хороший вариант, причем по божеской цене. Ну вот и… Почему вас это вдруг заинтересовало? Вы считаете, что девушка может заработать себе на машину только неким недостойным способом?

– Ну-у-у! – Борис укоризненно покачал головой. – Чтобы я такое подумал о девушке? Да пусть меня постигнет преждевременный маразм, если только посмею так подумать! Просто, понимаете, как и журналист, сыщик с годами

становится патологически любопытным.

Майя заразительно рассмеялась, одарив своего спутника чарующим лукавым взглядом. Судя по всему, этот рослый опер, с его крепкими плечами и густым баритоном, никак не походил на заурядного мента, излюбленная фраза которого: «Предъявите документики», а излюбленное действие – положить в карман нечто шелестяще-хрустящее. Он явно импонировал девушке, избалованной вниманием поклонников. Их разговор постепенно перешел на темы чуть ли не глобальные – запросы современной молодежи и возможности их реализации.

Майя была убеждена в том, что общество, в котором продолжают доминировать «геронтократы», сознательно принижает роль молодежи и искусственно создает барьеры на пути роста ее материального благополучия. Петрухин, который относился к поколению «между тридцатью и сорока», толком не знал, как себя достаточно определенно позиционировать – он вроде бы уже и не молодежь, но еще и не «геронтократ». Поэтому, внимая горячим спичам Майи, пытался внести какие-то логические резоны в этот эмоциональный выплеск экстремально-фрондерского «даешь!!!», при этом постоянно помня о том главном, с чего и был начат этот разговор. Наконец Борис нашел логический повод вернуться к прежней теме.

– Возьмем вашу подругу Алину, – глядя на пролетающие мимо дома, все тем же нейтральным тоном заметил он. – Она тоже молодежь. Но уже имеет все мыслимые и немыслимые блага. И таких, как она, немало. И вот что интересно. Зачастую молодые обладатели больших состояний ничуть не хуже завзятых «геронтократов» ставят эти самые барьеры перед своими же сверстниками. Выходит, дело не в возрастной категории, а в чем-то другом? Да и ее отец, господин Хухминский, не был древним старцем… Кстати, как он, с вашей точки зрения, относился к молодежи?

– А знаете что? – Стрельнув глазами в его сторону, Майя интригующе понизила голос. – Давайте-ка заедем ко мне и там продолжим разговор? Я приглашаю вас в гости.

Петрухин на мгновение задумался. Предложение его спутницы было весьма заманчивым. Разумеется, его ни в малейшей степени не обуяли фривольные ожидания – слишком уж он любил свою жену и чрезвычайно дорожил детьми. Виталька, который еще в первом классе объявил, что обязательно станет

сыщиком, как папа, и Наташка, юное шахматное дарование, были для него всем. Он вдруг интуитивно понял, что у себя дома, за бокалом вина – а в том, что Майя предложит ему выпить, он не сомневался ни секунды, – она может оказаться куда откровеннее, нежели сейчас. Но та же интуиция подсказала ему и кое-что другое. Девушка, скорее всего, не страдает избытком комплексов и, не исключено, ограничиться одной лишь беседой не настроена. А это уже совершенно никуда не годилось…

Кроме всего прочего, отправляясь сегодня утром на работу, Борис обещал Ирине, что уж сегодня-то обязательно вернется домой не за полночь. Все эти дни, занимаясь расследованием убийства Хухминского, дома он бывал разве что поздней ночью, с раннего утра и до сумерек находясь в непрерывных разъездах. Ирина уже не раз выговаривала, что бандиты ему дороже жены и детей. Но он и сам уже очень соскучился по семье и поэтому решил сделать встречное предложение.

– Майя, мы уже почти у моего дома, а время – сами видите, – Петрухин потер пальцами подбородок, ставший к вечеру колючим. – Тут неподалеку есть неплохое кафе. Давайте посидим, поговорим… Расходы, разумеется, мои.

– Ой нет, сегодня не получится… Мне обязательно надо поскорее попасть домой. А то моя Фенька – это кошка – обмяукается. Последний раз я ее кормила еще в обед… Ну, хорошо, давайте так. На этих днях или даже прямо завтра, как только у вас появится время, вы мне позвоните, и мы договоримся о встрече. Хорошо?

Выйдя у ближайшего к дому перекрестка, чтобы избавить Майю от необходимости маневрировать и разворачиваться, Петрухин в ускоренном темпе зашагал домой, заранее предвкушая восторженный вопль своих чад, обрадованных появлением отца, и приветливую улыбку жены, дождавшейся-таки появления своего «блудного» мужа.

Неожиданно Борис обратил внимание на человека, идущего сзади него среди прочих, по позднему времени, редких прохожих. Тот держался от Петрухина шагах в пятнадцати-двадцати, при этом не отставая и не обгоняя. «Так… Похоже, на меня открылся сезон охоты», – мысленно констатировал Борис, краем глаза время от времени схватывая чуть сутулую фигуру незнакомца. Обладая хорошей, почти фотографической памятью, он сразу же сделал вывод, что не только в их подъезде, но и вообще в их доме этот тип не проживает.

«Интересно было бы узнать, кто его подослал… – продолжая незаметно посматривать в сторону соглядатая, напряженно размышлял Петрухин. – И для чего? Если этот тип послан следить, то следит он по-идиотски. Его только слепой мог бы не заметить. Но и не «мочить» же! Обычно в таких случаях заранее поджидают где-нибудь, например в подъезде. Или это чтобы меня слегка припугнуть? Так сказать, «попрессовать»? Но тоже как-то по-дилетантски выглядит… А не прощупать ли его? Ну, ладно, мужик, считай, сам напросился…»

Нажав на скрипучие кнопки «кодового» замка, который на самом деле уже давно таковым быть перестал в силу примитивизма своей конструкции, Борис вошел в подъезд и, пользуясь тем, что никого в этот момент там не оказалось, достал пистолет и быстро спрятался под лестничным пролетом. Ждать долго не пришлось. После недолгой возни с замком неизвестный открыл дверь и чуть ли не на цыпочках вошел в подъезд. Когда он крадучись ступил на лестницу, сзади раздалась жесткая команда:

– Не двигаться! Лицом к стене! Ноги шире плеч!

Неизвестный, на некоторое время остолбенев, почему-то вздохнул и послушно стал лицом к стене, опершись об нее руками. Борис быстро проверил его одежду на наличие оружия и, взяв за плечо, одним рывком развернул к себе.

– Кто такой? Документы имеются? – строго спросил Петрухин.

– Я – Захар Сольцов, брат Саши Сольцовой, – как-то бесцветно представился незнакомец.

Достав из-за пазухи бумажник, он вынул паспорт и подал его Борису. Сразу же поняв, с кем имеет дело, Петрухин лишь вскользь пробежал глазами по паспорту и вернул его владельцу.

– Слушаю вас, – коротко обронил он, внимательно рассматривая Сольцова.

Тот устало провел ладонью по лицу и все так же бесцветно заговорил своим глуховатым голосом:

– Я живу здесь, в Залесске, на Колокольной. Работаю таксистом. С Сашкой, сеструхой своей, не виделся уже давно. Ну как тут сказать? С моей «половиной» у них не было никакого взаимопонимания. Вот, с самого начала как невзлюбили друг друга, так и не захотели прийти к согласию. А тут мне позвонили и сказали, что Сашка умерла. Вроде того, что сама себя отравила. Ну вот, сегодня ездил на похороны. Там и узнал, что она как будто грохнула мужика, а потом наглоталась таблеток.

– Так… И что же дальше? – Петрухин испытующе посмотрел на своего собеседника.

– Узнал про того мужика. Оказывается, он ее когда-то взял силой, и она от него родила пацана. Зовут… вернее, звали его Аркадий Хухминский. Он из здешних олигархов…

– Все это мне уже известно, – Борис пожал плечами.

– Так я о том хотел сказать, что Сашка в жизни не пошла бы на такое, чтобы или кого-то убить, или себя. У нее ж пацан, ему всего три года. Она его хоть и родила от той сволочи, но мать есть мать, все равно его любила. А тут я случайно узнал от наших мужиков, что вы расследуете это дело, вот и решил вас найти.

– А зачем же нужно было красться сзади? Что за причина?

– Чтобы никто не видел нашего с вами разговора. Моя и так избурчалась насчет Сашки… Мол, и жила шаляй-валяй, и померла точно так же. На похороны-то к родной сестре поехал со скандалом. А тут, не дай бог, кто-то начнет на семью наезжать?! Тогда и вовсе капут.

Сольцов говорил неспешно, хмуро глядя куда-то в угол. Чувствовалось, что смертью сестры он искренне огорчен.

– Это все, что вы хотели сказать? – собираясь уходить, спросил Петрухин.

– Нет… – Сольцов медленно повел подбородком вправо-влево. – Если б только это, то тогда не было бы смысла отнимать у вас время. Я хочу вам помочь найти

того, кто убил Сашку. Наши ребята – народ осведомленный, так что если вам нужна какая-то информация – звоните, я постараюсь узнать все, что вас интересует. Вот мой телефон. Можете прямо сейчас поручить что-то выяснить.

– Хорошо… – Борис кивнул, пряча в карман страничку блокнота с номером мобильного. – Постарайтесь узнать как можно больше о семье Хухминских. Что о нем в народе говорят – как жил, с кем дружил, почему и как погибла его жена. Что еще? Ну о его дочери, Алине, тоже стоило бы хоть что-то узнать. Вот моя визитка. Если что удастся выяснить – звоните.

– Все понял, товарищ подполковник, – уже значительно бодрее ответил Сольцов, направляясь к выходу. – Прозондируем!

* * *

За несколько дней до этого Александру Сольцову под утро нашла ее сменщица и подруга Варвара. В положенное время Саша не появилась в служебной бытовке, и та двинулась на розыски. Дверь комнатушки, в которой проживала Сольцова, была не заперта, и Варя, заглянув внутрь, увидела свою подругу лежащей на постели. Казалось, та спит. Но когда Варя тронула ее рукой, намереваясь разбудить, то сразу же поняла, что Саша не дышит. С истошным воплем девушка выбежала в коридор, призывая на помощь. Всего через несколько минут о случившемся знал опер Петрухин, который уже вторые сутки обретался на волжском острове Золотой Камень, том самом «Острове Невезения».

Позапрошлой ночью здесь же, в VIP-пансионате «Аттика», распростился с жизнью губернский олигарх, глава холдинга «Мега-Фактум» Аркадий Хухминский. И вот на тебе – еще одна незапланированная смерть. То, что горничная Сольцова умерла не по каким-то естественным причинам, Борис понял с первого взгляда. Но вот была ли смерть насильственной, с ходу установить оказалось весьма затруднительным. Прежде всего сбила с толку записка, найденная на столе. Она была довольно краткой: «Аркадий, прости меня. Я отняла у тебя жизнь, но теперь уйду и сама. В моей смерти прошу никого не винить. Александра Сольцова».

Показав записку Варваре, старшему менеджеру, бухгалтеру и всем прочим, кто знал почерк Саши, Петрухин получил однозначно утвердительный ответ: написано рукой Сольцовой. Несмотря на более чем ранний утренний час, Борис

опросил весь обслуживающий персонал, пытаясь выяснить, кто ее видел последним. К его досаде, все, как сговорившись, «ничего не помнили» и лишь разводили руками. Впрочем, полчаса спустя к Борису украдкой подошла одна из поварих и сообщила, что видела, как вроде бы около часа ночи из комнаты Саши вышел какой-то мужчина, лица которого она не разглядела.

Не дожидаясь прибытия эксперта, Петрухин начал поиск улик и выяснение обстоятельств смерти горничной. Он заранее предвидел, что теперь ему скажет начальство по поводу второй смерти всего за двое суток. «Шишки посыпятся, только башку подставляй, – направляясь в кадровую службу пансионата, сердито размышлял он. – Ну, то, что эти две смерти связаны между собой, можно даже не гадать – ясно как дважды два. Но как-то не очень верится, что Хухминского убила Сольцова. Тут, как пить дать, попахивает очень хитрой подставой…»

Взяв у охраны дубликаты ключей от кабинета по кадрам и шкафа с личными делами сотрудников, он изучил тоненькое личное дело умершей, в котором было подшито всего пять или шесть бумажек, и с некоторым удивлением обнаружил, что устроилась сюда Сольцова не так давно – пару месяцев назад. При этом не нашлось никаких документальных свидетельств того, что Саша устраивалась через специализированное кадровое агентство. А ведь в такие заведения, как «Аттика», можно было попасть только по серьезной рекомендации, да еще после целой череды тестирования и проверок в агентстве.

Спешно вызванный на остров судмедэксперт Тростинкин, который совсем недавно осматривал труп олигарха, найденный в воде у пляжа, смог лишь констатировать, что смерть, скорее всего, наступила от умышленной передозировки снотворного. Как подтверждение тому, рядом с постелью умершей валялась пустая водочная бутылка, на которой были обнаружены отпечатки пальцев женской руки. Даже на первый взгляд было ясно, что отпечатки папиллярных линий на стекле идентичны рисунку на пальцах Сольцовой.

Когда тело умершей, упакованное в специальный герметичный мешок, грузили для отправки в морг, Борис отдал Тростинкину записку, чтобы тот передал ее графологам. В качестве образца почерка он взял из личного дела горничной ее заявление об устройстве на работу.

Узнав, что из всего персонала пансионата Сольцова была более всего дружна со своей сменщицей Варварой, Борис решил поговорить с девушкой еще раз. Он не стал ее куда-либо вызывать, а сам незаметно для всех прошел к ней в комнату. Варя, хоть и не очень охотно, но тем не менее достаточно подробно рассказала все, что ей было известно об Александре. Деталей того, каким образом Сольцовой удалось устроиться в «Аттику», Варя не знала, но Саша как-то раз дала ей понять, что причастен к этому их менеджер по кадрам, с которым она все никак не могла расплатиться.

– Она ему что-то «отстегивала» от своей зарплаты? – не сразу понял Петрухин.

– Она с ним регулярно спала… – На лице Вари мелькнула саркастичная усмешка. – Он у нас петушок боевитый – топчет все, что шевелится. Я замужем, и то уже раза три пришлось отшивать. А Саша, вы сами видели, собой была очень даже недурна – и лицом, и фигурой… Хоть на конкурс красоты посылай. Какой же кобель на такую не позарится? Вот, может, из-за этого таблеток и наглоталась.

– Однако, как явствует из записки, она, по сути, признается в убийстве Хухминского. У нее с ним, что, были какие-то счеты?

– Знаете, ничего определенного об этом сказать не могу, но… – Немного помявшись, Варя продолжила, приглушив голос почти до шепота: – Позапозавчера я случайно видела, как Саша о чем-то разговаривала с Хухминским в коридоре, у дверей его номера. Правда, я была от них далеко и ничего не слышала. Но вот по ее лицу можно было понять, что она его о чем-то просит, в чем-то пытается убедить. А он молча стоял и слушал… При этом на его лице была такая мерзкая, презрительная улыбочка. Потом, когда она кончила говорить, он ей что-то сказал про аборт и деньги. И когда она пошла от него такая бледная, со слезами на глазах, добавил вслед, чтобы больше к нему не подходила.

– А вы ее не спрашивали, о чем шла речь?

– Узнать пыталась, но она сразу же замкнулась в себе и не сказала ни единого слова.

Как еще припомнила Варя, родом Александра была из села Кузнецовка, что километрах в двадцати от Залесска, где у нее есть маленький сын, которому года три, не более.

– Я хоть Сашу и знала всего-то ничего, но у меня в уме вообще не укладывается, что такая рохля могла кого-то убить. Это выходит за рамки здравого смысла. Я скорее поверю в то, что она почему-то решила сама себя оговорить. Хотя для чего бы это ей могло понадобиться? Но совершить убийство… Не поверю ни за что и никогда!

Сразу же после разговора с Варей Борис встретился с менеджером по кадрам и хозяйственной части Чушкановым. Тот только-только появился в своем кабинете, который отчасти был складом запчастей к сантехнике и тому подобных вещей, а отчасти… Петрухин, войдя в помещение, где уже побывал часа полтора назад, лишь теперь обратил внимание на диван с весьма характерной, основательной вмятиной посередине, стоявший в углу. Холодновато представившись, он спросил у еще как следует не проснувшегося бодрячка лет пятидесяти с круглой «шайбой» физиономией и распирающим пиджак брюшком:

– Так когда вы последний раз, так сказать, удовлетворяли свою похоть на этом диване с гражданкой Сольцовой? Выкручиваться и врать не советую. А то можете оказаться главным подозреваемым в ее убийстве. Ну, ну, я слушаю.

Тот, ошарашенно вытаращив глаза, некоторое время напоминал рака, которого внезапно кинули в ведро с кипятком. Потом беззвучно задвигав ртом, Чушканов с трудом выдавил:

– Са… Сашу убили? А кто и за что?

– Во-первых, позвольте-ка, вопросы задавать буду я. А во-вторых, я уже предупредил: не вздумайте валять дурака. Ну!..

– А-а-а… Гм-гм… Ну, последний раз мы с ней были здесь позавчера… Но, поверьте, клянусь вам, все было добровольно, по обоюдному согласию. Так сказать, на основе взаимных симпатий!

– Что, что?! – Петрухин язвительно рассмеялся. – Это если бы вы не состояли в служебных отношениях и Сольцова была от вас независима, то тогда я еще мог

бы поверить в подобный бред. А она напрямую зависела от вас. При чем тут взаимные симпатии? Это – принуждение женщины к интимным отношениям с использованием служебного положения. Карается по статье Уголовного кодекса. Кстати, будем считать, что ваша вина уже доказана. По меньшей мере годочков пять вам светит. Плюс «почетное» место у тюремной параши. Хороша перспектива? Кстати, где и как вы ее нашли, когда принимали на работу?

– Она сама нашла меня, – позеленевший менеджер враз покрылся каплями холодного пота. – Кто-то дал ей мой домашний адрес, и она пришла прямо ко мне домой. Ну… Человек я одинокий, пригласил к себе. Она сказала, что очень нуждается в деньгах и хотела бы устроиться к нам в пансионат. Сказала, что готова на что угодно, лишь бы ее сюда приняли.

– Ага! И вы предложили ей лечь в постель… – закончил за него Борис.

– Нет, нет, нет! Она первая сказала об этом. Ее слова были: если я вам нравлюсь как женщина, то могу сегодня остаться с вами.

– Ну разумеется! – «согласился» с ним Петрухин. – Что еще она могла ответить вам после того, как вы ей, скорее всего, указали на дверь? Вот что я вам скажу. Вы можете избежать знакомства с прокуратурой, если будете со мной предельно откровенны. Скажите, что могло связывать Сольцову с Хухминским? Кстати, вы знали, что у нее есть ребенок?

– Да, о сыне она мне как-то говорила. Ребенок сейчас вроде бы у ее родной сестры в деревне. А что у нее с Хухминским – клянусь, ничего не знаю. Могу лишь только предполагать… Одну секундочку! – Чушканов проворненько добежал до двери и, выглянув в коридор, поплотнее ее прикрыл. – О самом Хухминском мне рассказывал один знакомый. Значит, несколько лет назад Аркадий Никодимович частенько занимался похищениями женщин. Делал это так. Одевался как работяга, садился в «четверку» и мотался по дорогам, вроде как «бомбила». Сажал только молодых, красивых женщин и девушек и увозил их куда-нибудь в лес. Там насиловал, после чего предлагал деньги – сто баксов. Если женщина соглашалась, он ее отвозил поближе к дому и там высаживал, если отказывалась, бросал в лесу и уезжал. Если та обращалась в милицию, к ней приезжали какие-то отморозки и делали соответствующее внушение. После этого заявления забирали абсолютно все женщины.

– Вы предполагаете, что и Александра могла оказаться в числе его жертв?

– Да, думаю, могла.

– Тогда выходит, можно предположить, что и сын у нее от Хухминского… – задумчиво отметил Борис. – И что же дальше?

– Ну года три он так куролесил, пока не нарвался на одну из тех, кого уже увозил. Скорее всего, та сама начала на него охотиться. И вот, когда он ее привез в лес, она выхватила нож и воткнула ему в пах. После этого убежала и потом вообще скрылась в неизвестном направлении. Он едва не истек кровью. Хорошо, его охрана ездила за ним по пятам. Они его и доставили в больницу. Больше месяца он там лежал, после чего «бомбить» уже не ездил… Граж… товарищ подполковник, клянусь, это все, что я о нем знаю! Я надеюсь…

– Еще хоть один случай принудиловки по отношению к женщинам, и вы гарантированно познакомитесь с ароматами отхожего места в камере. Ваш персонал об этом пикантном обстоятельстве прямо сейчас поставлю в известность. Я доходчиво объяснил? – жестко перебил его Петрухин.

Покинув вконец расстроенного менеджера-саладона, он созвонился с начальником ОблУВД Рудаковым. Тот о смерти Сольцовой уже знал и поэтому, перебив Бориса, с ходу «рванул в галоп».

– Боря, ты мне объясни, блин горелый, что там вообще происходит?! – заорал он простуженно-осипшим голосом. – Покойники множатся, а твое расследование буксует. В чем дело? Что там за маньяк у вас завелся?

Терпеливо, доходчиво объяснив Рудакову ситуацию, Петрухин добавил:

– Думаю, что это убийство – не более чем очередная попытка направить нас по ложному следу. Сначала нам подсунули официанта, теперь – горничную.

– Слушай, Боря, ты там не перемудри давай. Тебя послушать, так против тебя играет целая сборная криминальных асов, – в голосе Рудакова звучали нотки досады и раздражения. – Ты ж ведь даже не представляешь, как за последние пару дней мне всю плешь проели звонками из всяких высоких инстанций. Только

и слышу: что он там копается, этот ваш Петрухин? В принципе это даже хорошо, что вынырнул другой подозреваемый. Женщина в данном случае – вполне приличный вариант. А то с тем «голубым» следом я уж не знал, как и докладывать губернатору…

– Вы считаете, что именно убитую Сольцову нужно «назначить» на роль убийцы? – удивленно хохотнул Борис. – Но ведь тут слишком многое не вяжется. Получается, я должен сам досочинить то, чего не было, и на этом закрыть дело? А если липа вылезет? Что тогда?

– Ничего сочинять не надо! – сердито рявкнул Рудаков. – Просто нужно ориентироваться, понимаешь это слово? Ориентироваться на конкретного человека. Мотив у Сольцовой был? Был, и очень серьезный. Кто мог ей помешать пробраться на пляж и там влупить Хухминскому шприц отравы? Вот в эту сторону и копай. Завтра чтобы все было готово. А то мне уже… О! Опять звонят. В общем, занимайся! – недовольно буркнул он, и в телефоне запикали короткие гудки отбоя.

Глава 3

Ближе к обеду Борис отправился в Кузнецовку, что не совсем согласовывалось с полученным им начальственным распоряжением. Проехав по мосту над речушкой, с обоих берегов заросшей камышом, «девятка» Петрухина покатила по типично деревенской улице. Спросив дорогу у случайного прохожего, Борис вскоре вышел из машины у аккуратного домика, обшитого снаружи облицовочной деревянной планкой. За штакетником палисадника перед окнами дома высились яблони-антоновки, уже густо увешанные крупными зелеными завязями. На стук в калитку из дома вышла женщина, очень похожая на Александру. Недоуменно, с тревогой глядя на незнакомца, она растерянно поздоровалась и вдруг, как будто о чем-то догадавшись, тихо спросила:

– Что-то случилось с Сашей?

– Да, – представившись, кивнул Борис. – К сожалению, вынужден вам сообщить, что сегодня ночью она умерла. Мы могли бы с вами побеседовать?

– Проходите, проходите… – ссутулившись и еле сдерживая слезы, пригласила женщина. – А что с ней случилось?

– Пока можно только предполагать, что она отравилась снотворным, – заходя в дом, Петрухин развел руками. – Но меня интересует, ради чего она решила устроиться на этот чертов «Остров Невезения»?

– Уж не знаю, почему, но Саша у нас пожизненная неудачница, – глядя в пустоту, тихо заговорила хозяйка дома. – И умная, и красивая, а счастья как не было, так и нет. Четыре года назад поехала она в Залесск. Вроде где-то присмотрела себе работу в газете. Но ее не приняли – человек уже нашелся. Она ни с чем поехала домой. И вот в дороге какой-то гад, вроде как таксист, взялся ее подвезти…

По словам сестры Александры, та после случившегося хотела обратиться в милицию. Но некие подонки ее предупредили, что если она напишет заявление, ночью может сгореть дом ее сестры вместе со всеми, кто там проживает. А потом обнаружилось, что Саша беременна. Ей советовали сделать аборт, однако она, опасаясь последующего бесплодия, решила родить и оставить ребенка в роддоме. Но не смогла…

– Нынешней весной глядели телевизор, и она как закричит: «Нина, Нина, смотри – это он, тот гад!» – Женщина тягостно вздохнула. – А была передача про то, как у нас хорошо отдыхают толстосумы. Показали тот проклятый остров. И этот урод там же. Он, оказывается, никакой не таксист, а богач, да еще и депутат Областной думы. Услышали и как его зовут. Диктор его все нахваливал за то, что много баксов вложил в тамошний курорт… Или как там его?

– Пансионат, – подсказал Борис.

– Ну вот дурь ей в голову и стукнула. Мол, надо туда хоть как-нибудь устроиться, и когда этот… Хрюминкин, что ль?.. А-а, Хухминский… Ну вот, когда там появится, сказать ему о Витюшке. Так кто к нему допустит? А там и спрашивать никого не надо будет. Ей-то, мол, самой от него ничего не нужно. Но пусть хотя бы о сыне позаботится. А мальчонка-то у нас и правда славный растет. Я ее отговаривала, да толку-то? Поехала куда-то в город, где-то кого-то нашла, потом звонит соседям: «Передайте Нине, что со мной все в порядке, уже устроилась и работаю, зарплата – закачаешься…» Вот и заработала себе на упокой!

В этот момент дверь соседней комнаты приоткрылась, и из-за нее вышел мальчик, который удивленно смотрел на чужого дядю. Немного помолчав, он неожиданно спросил:

– Тетя Нина, а мама где?

– На работе, Витюшка, на работе… – Нина говорила севшим голосом. – Вот, дядя приехал и говорит, что она еще долго там будет… Иди, иди, играй! Знаете, Борис Витальевич, по поводу того, чтобы отравиться или кого-то убить – так она совершенно не способна. Это я вам уже говорила и от этих слов не отступлюсь. Просто это ее судьба такая.

Возвращаясь, Борис рассеянно думал о сложных переплетениях человеческих судеб, а также о тщете самодовольства иных толстосумов, свято уверовавших в то, что обилие дензнаков и профессиональная охрана гарантируют их от любых невзгод. «…И не догадываются, наивные, что судьба к кому угодно может быть круче самого крутого прокурора независимо от банковского счета, – иронично улыбаясь своим философствованиям, он мчался по выбитому асфальту в сторону Залесска. – Не хотят уразуметь, что любой, даже самый богатый и вроде бы всемогущий, в один миг может не только стать нищим, но и потерять саму жизнь. Хотя… Для кого-то она зачастую значит гораздо меньше, чем деньги…»

* * *

Тремя днями ранее описываемых событий поздней ночью официант ресторанного зала пансионата «Аттика» Женёк Коцигаш, глядя через окно своей комнаты на яркий свет фонарей, готовился идти на свидание. Впрочем, как готовился? Его подготовка в основном заключалась в не очень успешных попытках принудить самого себя к необходимости поучаствовать в действе, для мужчины с нормальной психикой и унизительном, и постыдном. Расхаживая взад-вперед по комнате, он изо всех сил пытался убедить себя в том, что положение у него безвыходное, и теперь у него есть только один вариант решения создавшейся проблемы – согласиться на условия человека, который пообещал избавить его от преследования кредитора.

…Если бы месяц назад, в тот проклятый день, он знал, чем закончится для него поездка по городу, он бы собственноручно вырвал из мотора и выбросил подальше пучок проводов зажигания! Он лучше бы ходил пешком всю

оставшуюся жизнь! Но она, эта поганая жизнь, черт побери, не терпит сослагательного наклонения. Она не признает всякие «если да кабы». И ладно бы повод отправиться в путь был для него жизненно важным! А то – так себе, развлекуха и безделица.

Ему позвонила знакомая и пригласила к себе в гости «на часок». Еще зимой они познакомились в Интернете, потом встретились, и с первой же встречи их отношения приобрели более чем интимный характер. О том, чтобы встречаться чаще, с перспективой узаконить отношения, речь не шла вообще. Ни он, ни она утруждать себя веригами брака не собирались. Тем более что и у него, и у нее подобных знакомых было предостаточно. Легкость отношений была и приятна, и необременительна.

Когда Женёк (его так прозвали в «Аттике» с первого же дня работы), следуя уже привычным маршрутом, был у перекрестка, где ему следовало повернуть налево, какой-то недоумок, который до этого тихо-мирно изображал из себя гаишника, размахивая самодельным жезлом, вдруг подхватил с земли камень и со всего размаху швырнул в его машину. Это было столь тупо, нелепо и вызывающе, что Женёк едва не захлебнулся от возмущения. Видя, что недоумок кинулся наутек, он резко ударил по педали тормоза, глядя вслед своему обидчику. Но гладкая кожаная подошва ботинка с нее соскользнула и попала на акселератор. Поэтому вместо того, чтобы остановиться, машина резко рванулась вперед, и в тот же миг раздался громкий удар, как если бы с десятого этажа кто-то бросил на асфальт дюжину связанных между собой ведер из оцинкованной жести.

Женёк в полном обалдении смотрел на новенький «Форд», в заднюю дверцу которого так неудачно впечатался. Однако это было лишь началом его злоключений. Прибывшие гаишники объявили, что его «автогражданка» уже дней пять как просрочена… Потом примчался приятель расфуфыренной девицы, хозяйки пострадавшего «Форда», типичный «качок» с золотым «цепком» в палец толщиной, наглый и вызывающий. Тот сразу объявил свое условие: ущерб возместить в недельный срок. При этом назвал такую сумму, что, продав свою побитую «шестерку», Женёк мог погасить не более десятой части долга. Ну можно было бы еще продать аудио– и видеоаппаратуру, компьютер, какие-то вещи… Однако и эти деньги, даже если бы их удалось выручить, выглядели сущими копейками в сравнении с теми, почти тремя сотнями тысяч, назначенными «качком».

Женёк понимал, что претензии к нему завышены в разы. Но его робкую попытку опротестовать аппетиты вымогателя предложением решить дело через суд пресекла угроза разборки с участием «конкретных пацанов». Записав его телефон и адрес, «качок» куда-то свалил. Понимая, что он влип в сквернейшую историю, которая гарантированно очень скоро превратится в нескончаемый кошмар, в какое-то мгновение Женёк вдруг и сам, начав звереть, принял решение срочно найти пистолет и убить их обоих – и эту красотку-стерву, и ее бойфренда. А потом – будь что будет. Но, поразмыслив, решил этот вариант пока отложить.

Созвонившись с приятелем, работающим в рекламном отделе одной из городских газет, он попросил того установить личность «качка» по номеру его машины. Вскоре приятель сообщил, что этот тип, которого зовут Вадим Ежонов, является начальником службы безопасности у местного олигарха Хухминского. Красотка, которую звали Майей Яринцевой (ее имя Женёк узнал во время составления гаишниками протокола), работала помощником управляющего банка «Кредит-экспресс» и, что особо подчеркнул приятель, была не замужем.

– …Женёк, это ж вариант! – кипя к нему сочувствием, «двинул идею» рекламщик. – Ты у нас мажор – хоть куда. Ну и сделай ей предложение… Вопрос с долгом тут же отпадет. Ну и что, что она стерва и б…дь? Знаешь, на твоем месте я бы женился даже на престарелой папуаске с букетом хронических вензаболеваний. Так что думай!

И Коцигаш решил рискнуть. Он позвонил Майе и попытался договориться о встрече. Но та его «обломила», не дав даже толком договорить.

– А для чего нам встречаться-то? – презрительно хмыкнула красотка. – Все разговоры только с моим представителем. Его телефон у тебя есть.

И началась у него жизнь, полная мытарств и тревог. Продав все, что смогло найти своего покупателя, он с трудом уговорил «качка» дать ему отсрочку от «счетчика» хотя бы на месяц. Однако ничего дельного за это время совершить так и не удалось. И вот уже на исходе срока Женьку как будто снова улыбнулась удача. Менеджер по кадрам Чушканов сообщил ему, что завтра в пансионате будет праздноваться день рождения президента банка «Кредит-экспресс», а в числе приглашенных – хозяин и начальник «качка», Аркадий Хухминский.

– Ты к нему подойди, когда он уже подопьет, поплачься в жилетку, – вполголоса объяснял Чушканов, склонившись к его уху. – Поддатым он любит изобразить широкий жест. Вот, может быть, тебе и удастся разжалобить его, чтобы он приструнил своего Вадьку. Глядишь, раза в три-четыре должок-то и убавится…

Выбрать момент и подойти к захмелевшему олигарху для Женька особой проблемы не составило. Тот как раз закончил беседу с губернским министром здравоохранения и, отпивая из фужера, рассеянно смотрел по сторонам. Женёк, стараясь говорить чрезвычайно вежливо, но и не роняя себя, начал излагать Хухминскому свое сокровенное. Немного его послушав, тот взял Женька за рукав и отвел в сторону, где рядом не было лишних ушей. Нацелясь мутноватым взором, олигарх пожелал услышать, чего, собственно, он от него хочет, но потребовал изложить просьбу «без пустого трепа и соплей». Когда Женёк рассказал о наболевшем, подспудно взывая к сочувствию собеседника, тот, закурив, неожиданно чему-то ухмыльнулся и, подмигнув ему как старому приятелю, негромко обронил:

– Все решим. Все… Даже вот так устроим – насчет долга вообще никто не заикнется. Как будто его и не бывало. Пойдет?

– Да, конечно, конечно!.. – не веря собственным ушам, обрадованно закивал Женёк. – Буду вам очень за это благодарен.

– Ну вот и ладушки! – Олигарх благосклонно хлопнул его по плечу. – Но, Жень, ты же сам понимаешь, что просто так ничего не делается. Верно? В общем, давай-ка мы с тобой этот вопрос хорошенько обсудим, скажем, после этого сабантуя… Э-э-э… На пляже, в беседке. Жду тебя там ровно в час ночи. Ну ты мальчик уже большой, и сам все хорошо понимаешь… Да? Так что, смотри, давай без опозданий! – неожиданно придав лицу строгость, Хухминский ткнул Женька указательным пальцем в грудь и направился в глубь банкетного зала.

Осознав, что за «разговор» ожидается в беседке, Женёк совсем пал духом. Его недавние надежды и только что вспыхнувшая бурная радость мгновенно сменились досадой и разочарованием. Вместе с тем, издерганный напоминаниями «качка», он решил, что иных вариантов судьба ему не уготовила.

…Глянув на часы, Женёк обреченно вышел из пристройки для обслуживающего персонала и по выложенной камнем дорожке направился в сторону пляжа. В

банкетном зале продолжался пир горой. Через открытые окна далеко разносились веселые голоса гостей и затейливые ритмы в исполнении столичной поп-группы «Эвтаназия». Как и час назад, в небе над островом расцвели разноцветные грозди фейерверков, сопровождаемые громкими хлопками специальных мортир.

Рядом с дорожкой, на просторной садовой скамейке, никого не стесняясь, в тени сексовалась какая-то парочка, сопровождая свое занятие сопением и охами. И если в другое время Женёк с интересом понаблюдал бы за этим бесплатным представлением, то теперь его от подобного зрелища даже передернуло. Его колотила нервная дрожь от ощущения безысходности и собственного ничтожества. Мысленно перебрав все ругательства, он принуждал себя идти в сторону пляжа. Шагах в двадцати от беседки, увитой виноградом, он остановился, не решаясь подойти к ней ближе еще хоть на шаг – при одной только мысли о том, что сейчас будет, Женька начинало тошнить.

Неожиданно сзади кто-то тихо сказал: «Эй!» Женёк удивленно оглянулся, но в тот же миг ему в лицо брызнули чем-то из аэрозольного баллончика, и он мгновенно отключился, повалившись на песок.

* * *

«Банкетная» ночь на Золотом Камне затянулась почти до самого рассвета. Около четырех часов – то ли еще ночи, то ли уже утра, когда на востоке еще только чуть забрезжило, – на пляж, тяжело ступая и раскачиваясь, прибежал один из охранников пансионата. Парень крепко перебрал, хотя управляющий запретил им даже нюхать спиртное. Всего через каких-то полчаса он должен был сменить своего приятеля, стоявшего у входа в спальный корпус. А как тут менять, если в голове несмолкаемый колокольный звон, а ноги подгибаются и выписывают кренделя?

И тогда незадачливый сменщик, решив поправить дело немедленным принятием водных процедур, спешно отправился на пляж. Сбрасывая одежду, он корил себя за неумеренную любовь к халявной выпивке. С Волги набегали порывы сыроватого, холодного ветерка. С шелестом на берег катили волны. Таинственная, черная в темноте вода отчего-то выглядела пугающе-фантасмагоричной. Несмотря на обилие выпитого, охранник вдруг немного заробел. Почему-то сразу же вспомнились всякие байки о волжских русалках,

которые по ночам околачивались вдоль берегов, утаскивая в воду всякого, кто не вовремя надумал искупаться.

Немного поколебавшись, парень все же взял себя в руки и, разбежавшись, кинулся в воду. Проплыв по инерции несколько метров, он ткнулся головой во что-то тяжелое, но вовсе не жесткое. Столкновение с непонятным препятствием было столь неожиданным, что жаждущий протрезвления нечаянно хлебнул изрядную порцию воды. «Что это за хрень такая? – мелькнуло у него в голове. – Рыбина здоровущая издохла, и ее сюда прибило течением, или мешок со всяким мусором приплыл?»

Он встал на дно – здесь глубина была не более чем по грудь – и толкнул рукой почти неразличимое в темноте, смутно белеющее «что-то». И тут он внезапно понял, что это… утопленник!!! Парень в ужасе отпрянул назад, спотыкаясь и моментально трезвея.

Оказавшись на берегу, охранник вдруг вспомнил, что воды-то он хлебнул не где-нибудь, а рядом с трупом. По сути, эту воду можно было считать сродни той, которой принято омывать покойников и которую так жаждут заполучить чернокнижники и ведьмы для своих дьявольских обрядов. А ведь такая вода – об этом он слышал уже не раз – способна была стать источником всевозможных неприятностей. Кто-то вроде говорил о том, что выпившего такой воды ждали самые тяжелые болезни, вплоть до онкологии, и в любом деле ему бы выпадали одни лишь неудачи.

Ощутив толчок в желудке, парень с содроганием согнулся чуть не до земли. От сильнейшего приступа рвоты ему показалось, что еще немного – и он сам вывернется наизнанку. Почувствовав болезненный спазм опустевшего желудка, который сжался в напряженный комок, он опрометью кинулся к флигелю у главного корпуса, где проживали охранники и обслуживающий персонал. Парню казалось, что его организм изнутри заселили самые коварные и самые опасные микробы, и теперь не только здоровье, но и сама его жизнь оказалась в опасности.

Вбежав в свою комнату, он торопливо достал из-под койки бутылку водки и, дрожащей рукой налив полный стакан, залпом выпил. Это в его представлении должно было осуществить полную внутреннюю дезинфекцию. А еще через пару секунд, оглушенный выпитым, он плашмя растянулся на полу, так никому и не сообщив о своей находке…

* * *

Позже, вспоминая о тех трех днях, проведенных на «Острове Невезения», Петрухин всякий раз морщился как от лимона при мысли о публике, собравшейся в пансионате «Аттика». О смерти олигарха Хухминского он узнал дома, ранним утром, когда еще только проснулся и направлялся в ванную. Дежурный УВД сообщил ему по телефону о случившемся, попутно рассказав кое-какие детали. По его словам, олигарха нашли еще на ранней утренней заре охранники пансионата. Один из них не вышел на дежурство, а кто-то из парней видел, как тот, будучи пьяным, побежал на пляж купаться. Начальник охраны тут же отдал распоряжение найти своего подчиненного, опасаясь, что тот в подпитии мог утонуть.

На пляже поисковая группа обнаружила одежду своего коллеги, а далеко от берега было замечено что-то, плывущее в волнах. Взяв лодку, парни догнали это «что-то». Каково же было их удивление, когда из воды ими был извлечен не сотрудник охраны пансионата, а богатейший человек губернии!

Сам Борис с дежурной опергруппой, приданной ему в подкрепление, оказался на острове часам к восьми утра. Первым делом найдя переполошенных и крайне удрученных управляющего пансионатом и начальника охраны, он распорядился никого с острова не отпускать, невзирая ни на какие протесты и угрозы.

– Всех, кто будет качать права, сразу посылайте ко мне, – уведомил он.

Впрочем, учитывая состояние гостей банкира, большинство из которых лишь под утро разбрелись отсыпаться по своим номерам, а прочие хоть и были на ногах, но в основном не вязали лыка, качать права пока что еще было некому.

В сопровождении охранников пансионата опергруппа направилась на пляж. Здесь, на расстеленной простыне, в одних плавках лежал сизовато-лиловый труп мужчины лет за пятьдесят, который при жизни был чуть выше среднего роста, с большими залысинами и заметным брюшком, несколько не вяжущимся с худоватыми руками и ногами. Рядом с покойником дежурили трое крупных парней со злыми, недовольными лицами. Старший охраны пансионата негромко пояснил, что эти трое – личная охрана олигарха. В стороне от охранников Хухминского, метрах в тридцати, стояли какие-то люди с видеокамерами. Даже

без пояснений было понятно, что это телевизионщики. Старший из охранников олигарха, представившийся как Вадим Ежонов, пояснил, что телевизионщики и газетчики их поначалу буквально осаждали. Но часть уже разъехалась готовить сводки новостей.

– Как падальщики слетелись, мать их, журналюги долбаные! – сердито пояснил он. – И откуда только успевают узнать?!

С ходу приступив к делу, Борис приказал своим сотрудникам прочесать весь пляж и прилегающие постройки и заросли. Кинолог тут же ринулся вслед за своим четвероногим следопытом, который, как будто поняв человеческую речь, без подсказок сообразил, что должен делать. Судмедэксперт тоже явил деловитость и начал хлопотать у трупа, выясняя степень окоченения тех или иных групп мышц, выискивая на коже ссадины, царапины или еще какие-то повреждения.

Сам же Петрухин тут же, на пляже, начал допрос охранников олигарха. Не ударяясь в дипломатические изыски, он задавал им прямые, жесткие, порой крайне неудобные вопросы. Все трое, в чем они клятвенно заверили, ночью никуда из пансионата не отлучались. Правда, у двоих это обстоятельство подтвердить могли люди, которых они отказались назвать. Вадим Ежонов, который, по его словам, с двенадцати до двух играл с Чушкановым в буру, хмуро уверял Бориса в том, что их босс сам распорядился его никуда не сопровождать.

– Может, он бабу какую-нибудь сюда повел трахать… – разводя руками, доказывал Ежонов. – А кому понравится ловить кайф, если за ним в это время зырят трое рыл? А я точно «бурил», спросите у Чуха… То есть, Чушканова. Я его на три «штуки» обштопал.

Слушая его, Петрухин неожиданно почувствовал, что этот тип способен походя сочинить любую небылицу и соврать, не моргнув глазом. Да и вообще он с самого начала начал вызывать непонятную подсознательную антипатию. Чем это было вызвано, Петрухин и сам понять не мог. Ну не потому же, что Ежонов ему, как говорится, не приглянулся лицом?! Скорее всего, тут было нечто иное, на уровне каких-то «флюидов», дающих ощущение негатива, излучаемого этим человеком. Впрочем, судя по гримасе недовольства на лице главного секьюрити олигарха, его отношение к оперу было сходным. Ежонову явно не понравился «этот мент», который с ходу показал свою «негибкость» и полное отсутствие склонности «искать консенсус».

Всмотревшись в лицо утопленника, отчего-то искаженное гримасой ненависти и отчаяния, Борис его вдруг узнал. Этого человека он уже видел, и именно на этом самом «Острове Невезения».

…Еще в начале девяностых, такой же летней порой, сюда он прибыл расследовать загадочное убийство юной гимнастки из сборной области по легкой атлетике. Та выиграла крупное зональное первенство, да и вся команда в целом показала себя с наилучшей стороны. За это Облсовпроф и областной Совет поощрили спортсменов путевками сюда, на Золотой Камень, где в ту пору с трудом сводила концы с концами база отдыха полуразорившегося завода радиоаппаратуры. В ту пору на месте нынешних роскошных строений «под античность», на фоне волжских берегов уныло и убого смотрелись типично «совдеповские», обветшалые здания…

Девочку нашли убитой в одной из пляжных раздевалок. Как явствовало из картины происшествия, кто-то на нее покушался, но, встретив яростное сопротивление, ударил чем-то тяжелым по голове. Скорее всего, чтобы или сломить сопротивление, или оглушить. Но, по всей вероятности, нападавший был крайне обозлен и поэтому, ударив девочку со всего размаху, убил ее наповал.

Петрухин, в ту пору еще совсем зеленый лейтенант, очень быстро установил, что никто из спортсменов к убийству не причастен. И тут ему на глаза попалась обитавшая на базе отдыха компания городской «знати» той поры, состоящая из директоров заводов, крупных чиновников, кооператоров с криминальным прошлым. «Братва» прибыла на остров, так сказать, оттянуться – побраконьерить с сетями, ружьишком, попить водки в «приличной» компании.

Еще раз опросив спортсменов, он узнал, что к юной чемпионке минувшим днем зачем-то подходил один мужчина из тех «господ-товарищей». Он громко восхищался ее успехами, обещал чем-то помочь сборной. Потом его еще раз видели рядом с потерпевшей. Он что-то говорил девочке, воровато озираясь по сторонам. Но та, отчего-то покраснев, сказала ему что-то резкое и быстро ушла. Подруги, видевшие этот разговор, допытывались, чего же от нее хочет этот «поклонник». Но она им ничего так и не сказала.

Борис тут же сделал вывод, что «добрый дядя», скорее всего, говорил девочке столь непристойные вещи, что той просто было стыдно рассказывать об этом. Он

тут же вычислил «доброго дядю» и немедленно взял его в разработку. Как выяснилось, это был заместитель директора жиркомбината и одновременно депутат тогда еще областного Совета Аркадий Хухминский. Допросив Хухминского, он тут же установил, что у того нет алиби. Впрочем, опамятовавшиеся «кореша» вскоре заявили, что Хухминский был при них неотлучно.

Но Петрухин миндальничать и робеть перед «крутой компанией» не собирался. Он запросил в областной прокуратуре санкцию на задержание Хухминского по подозрению в убийстве. Что тут началось! Его немедленно вызвали в областное УВД, где ему было указано на политическую близорукость. Еще бы! Как можно было заподозрить в вульгарной уголовщине недавнего «прораба перестройки», видного представителя «Демвыбора России», к тому же человека, облеченного доверием тысяч избирателей?!

Этим же днем Бориса отстранили от расследования убийства спортсменки и дело передали полуграмотному дилетанту, пришедшему в органы то ли из профсоюзов, то ли из торговли. Тот быстро «установил», что случившееся – несчастный случай, и не более того. По его невесть откуда полученным данным, девочка сама случайно упала с высокого крыльца и разбила себе голову. Затем она пошла к Волге, чтобы, как посчитал «пинкертон», смыть с волос кровь, попавшую на них из раны. Но там ей стало плохо, и она, сама не зная зачем, зашла в раздевалку, где и потеряла сознание, после чего скоропостижно умерла.

Вся команда во главе с тренером, родители спортсменки, знакомые и незнакомые люди требовали повторного расследования, однако областные инстанции с этой версией охотно согласились.

Год спустя Хухминский неожиданно для всех стал директором жиркомбината и его главным акционером. К концу девяностых в его собственности было уже несколько предприятий города и области, коммерческая газета, контрольный пакет акций городского порта. С каждым годом его финансовая мощь возрастала как на дрожжах. И вот – такой незавидный финал. Теперь это всего лишь коченеющий труп, который скоро, после фальшивых речей и излияний лицемерной скорби, будет предан земле…

Закончив обход пляжа, опергруппа вернулась, ничего толком не обнаружив. Опера доложили, что метрах в ста от места, где лежал усопший, на песке была

найдена его аккуратно сложенная одежда. В карманах ничего существенного найти не удалось. Единственный интерес представлял собой навороченный сотовый телефон. Но он был поставлен на код, который никто из охранников не знал.

Лишь собака смогла отыскать невдалеке от беседки под кустом какой-то стеклянный шприц с толстой иглой, скорее всего, из арсенала ветеринаров. Взяв полиэтиленовый пакетик с уложенным в него шприцем, Борис сделал вывод, что этот предмет, безусловно, может иметь к смерти олигарха самое прямое отношение. Скорее всего, рассудил он, если это не несчастный случай, убийца именно этим шприцем мог ввести ему яд, например, незаметно подкравшись сзади – попробуй-ка быстро ввести яд из пластмассового одноразового шприца с тонюсенькой иголочкой! А вот стеклянный, с толстой иглой, мог сработать практически мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Глиняш» – аналог русского «мента» (польск.).

Купить: https://tellnovel.com/kazancev_kirill/volch-ya-svad-ba

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити